

Содержание

Жак Превер — мудак. <i>Перевод Нины Кулиш</i>	7
“Мираж”. Фильм Жан-Клода Гиге. <i>Перевод Нины Кулиш</i>	11
На пороге растерянности. <i>Перевод Нины Кулиш</i>	14
Утраченный взгляд. Похвала немому кино <i>Перевод Нины Кулиш</i>	37
Беседа с Жан-Ивом Жуанне и Кристофом Дюшатле <i>Перевод Нины Кулиш</i>	40
Искусство как снятие кожи. <i>Перевод Нины Кулиш</i>	51
Абсурд как креативный фактор. <i>Перевод Нины Кулиш</i>	54
Праздник. <i>Перевод Нины Кулиш</i>	63
На паузе. <i>Перевод Нины Кулиш</i>	68
Opera Bianca. <i>Перевод Нины Кулиш</i>	91
Письмо Лакису Прогидису. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	103
К вопросу о педофилии. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	110
Человечество, стадия 2. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	114
Пустые небеса. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	122
Мне снится сон. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	124
Нил Янг. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	128
Беседа с Кристианом Отье. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	133
Утешение технологией. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	147
Небо, земля, солнце. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	152
Уйти из XX века. <i>Перевод Ирины Стаф</i>	154

Филипп Мюре в 2002 году. Перевод Ирины Стаф	160
К частичной реабилитации обывателя	
<i>Перевод Ирины Стаф</i>	169
Консерватизм как источник прогресса	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	172
Прелиминарии к позитивизму. Перевод Ирины Стаф	177
Я нормальный. Нормальный писатель	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	186
Я читал всю жизнь. Перевод Ирины Стаф	193
Срезы почвы. Перевод Ирины Стаф	198
Утраченный текст. Перевод Марии Троицкой	204
Беседа с Фредериком Бегбедером	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	209
Лекарство от экзистенциального выгорания	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	221
Беседа с Мареном де Вири и Валери Тораньян	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	226
Беседа с Агатой Новак-Лешевалье	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	258
Эмманюэль Каррер и проблема добра	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	277
Дональд Трамп — хороший президент	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	289
Разговор с Жоффруа Лежёном. Перевод Марии Троицкой	297
Чуть хуже. Ответ некоторым моим друзьям	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	327
Дела Венсана Ламбера не должно было быть	
<i>Перевод Марии Троицкой</i>	333
Источники	341

Жак Превер — мудака

Жак Превер написал стихи, которые учат в школе. Из стихов явствует, что он любил цветы, птичек, уголки старого Парижа и т. д. Он полагал, будто любовь может расцвести только в условиях свободы. В более широком смысле можно сказать так: *в принципе* он был за свободу. Он носил кепку и курил “Голуаз”; иногда его путают с Жаном Габеном, вероятно, потому, что это он написал сценарии фильмов “Набережная туманов” и “Врата ночи”. А еще он написал сценарий фильма “Дети райка”, который считается его шедевром. Все это дает более чем веские основания ненавидеть Жака Превера, особенно если прочесть сценарии, написанные в те же годы Антоненом Арто, но так и оставшиеся невостребованными. Грустно констатировать тот факт, что омерзительный *поэтический реализм*, отцом-основателем которого был Превер, продолжает свирепствовать и в наши дни; что люди воображают, будто делают компли-

Статья опубликована в еженедельнике *Lettres Françaises* (№ 22, июль 1992), а также в сборниках *Interventions* (Flammarion, 1998) и *Interventions 2* (Flammarion, 2009).

мент Лео Караксу, причисляя его к этому направлению (по той же логике Эрик Ромер, очевидно, должен считаться новым Саша Гитри и т. д. и т. п.). Французское кино так и не смогло оправиться от вторжения звука; рано или поздно оно от этого окончательно загнется, но туда ему и дорога.

В послевоенные годы, примерно в то же время, что и Жан-Поль Сартр, Превер пользовался громадным успехом — поразительно, какими оптимистами были люди той эпохи. Сегодня наиболее влиятельным мыслителем был бы, наверное, Чоран. В те годы слушали песни Виана, Брассенса... На скамейках сидят, целуясь, парочки, как голубки, беби-бум, массовое строительство дешевого жилья для всей этой публики. Сплошной оптимизм и вера в будущее и чуть-чуть мудизма. Да, с тех пор мы явно поумнели.

С интеллектуальным читателем Преверу повезло меньше. Хотя в его стихах сплошь и рядом попадается дурацкая игра слов, за которую так любят песни Боби Лапуэнта; но ведь песня — это, так сказать, *малый жанр*, а интеллектуалу тоже иногда надо расслабиться. Однако по отношению к написанному тексту — то есть к тому, что для самого интеллектуала составляет основной заработок, — он беспощаден. А “работа над текстом” у Превера пребывает в зачаточном состоянии: он пишет ясно, прозрачно и с полнейшей естественностью, порой даже с чувством. Его не заботят ни проблемы стиля, ни проблема творческой немоты; по-видимому, сама жизнь является для него неиссякаемым источником вдохновения. Поэтому вряд ли кому-то придет в голову препарировать его поэзию в диссертации. Тем не менее сегодня он причислен к сонму великих, а это все равно что вторая смерть. Его творчество перед нами, заверщенное

и застывшее, словно памятник. Это дает прекрасный повод задуматься: почему поэзия Жака Превера настолько посредственна, что при чтении мы порой испытываем чувство стыда? Обычное объяснение (его стилю “недостает строгости и выразительности”) тут не годится; с помощью игры слов, ритмической легкости и ясности Превер полностью раскрывает перед нами свое видение мира. Форма отвечает содержанию, а это максимум того, что можно требовать от формы. И вообще, когда поэт до такой степени погружен в жизнь, в реальную жизнь своего времени, было бы просто оскорбительно подходить к нему с чисто стилистическими критериями. Если Жак Превер пишет, значит, ему есть что сказать; честь и хвала ему за это. К несчастью, то, что он имеет сказать, бесконечно глупо, иногда глупо до тошноты. Красивые обнаженные девушки, буржуа, которых надо резать, как свиней. Дети прелестно аморальны, бандиты мужественны и неотразимы; красивые обнаженные девушки отдаются бандитам; буржуа — старые жирные импотенты с орденом Почетного легиона, их жены фригидны; священники — омерзительные старые мокрицы, которые выдумали грех, чтобы не дать нам жить полной жизнью. Все это давно известно, лучше уж почитать Бодлера. Или даже Карла Маркса, который по крайней мере знает, в кого метит, когда пишет, что триумф буржуазии утопил священный трепет религиозного экстаза, рыцарского воодушевления и дешевой сентиментальности в ледяных водах эгоистического расчета. Интеллект не помогает человеку писать хорошие стихи, но может помешать ему написать плохие. Если Жак Превер — плохой поэт, то прежде всего потому, что его видение мира пошлое, поверхностное и лживое. Лживым оно было еще при его

жизни, а сегодня никчемность Превера-поэта совершенно очевидна, так что все его творчество кажется бесконечным повторением одного и того же громадного клише. В философском и политическом плане Жак Превер — убежденный анархист, то есть, по сути дела, недоумок.

Сегодня мы барахтаемся в “ледяных водах эгоистического расчета” с самого нежного возраста. Можно приспособиться, попытаться выжить, а можно безропотно утонуть. Но совершенно невозможно представить себе, что одного раскрепощения наших желаний будет достаточно, чтобы согреть эти ледяные воды. Говорят, слово “братство” было включено в девиз Республики по настоянию Робеспьера. Сегодня мы можем оценить этот анекдот по достоинству. Превер, без сомнения, считал себя сторонником братства, но ведь и Робеспьер отнюдь не был противником добродетели.

“Мираж”

Фильм Жан-Клода Гиге

Культурная буржуазная семья отдыхает на берегу Женевского озера. Классическая музыка, короткие, насыщенные диалогами эпизоды, панорама озера — все это может создать ощущение *дежавю*. Тот факт, что девушка занимается живописью, только усиливает наше беспокойство. Но нет, речь не об очередном клоне Эрика Ромера. Как ни странно, речь идет о чем-то большем.

Когда в фильме постоянно соседствуют раздражающее и пленительное, редко бывает, чтобы победа осталась за пленительным; но здесь происходит именно так. Актеры не всегда убедительны, им трудно было произносить такой витиеватый, порой до смешного вычурный текст. Критики скажут, что исполнители не смогли найти верную интонацию, — возможно, это не только их вина. Попробуйте найти верную интонацию для такой вот фразы: “Хорошая погода с нами заодно”. Только мать, Луиза Марло, безупречна от начала до конца,

Статья опубликована в еженедельнике *Lettres Françaises* (№ 27, декабрь 1992), а также в сборниках *Interventions* (Flammarion, 1998) и *Interventions 2* (Flammarion, 2009).

и, вероятно, именно благодаря ее великолепному любовному монологу (в кино любовный монолог встретишь нечасто) фильм покоряет нас окончательно. Можно простить несвязность некоторых диалогов, назойливость некоторых музыкальных лейтмотивов, впрочем, в заурядном фильме все это осталось бы незамеченным.

Взяв за основу простой и трагичный сюжет (весна, чудесная погода; пятидесятилетняя женщина жаждет в последний раз изведать плотскую страсть; но природа столь же жестока, сколь и прекрасна), Жан-Клод Гиге пошел на огромный риск: стал добиваться формального совершенства. В итоге получилось нечто равно далекое и от рекламного клипа, и от ползучего реализма, и уж совсем далекое от произвольного экспериментирования; в этом фильме нет изысков, есть только поиск чистой красоты. Классически ясное, простое, но не лишенное дерзости построение эпизодов находит точное соответствие в безупречной геометрии кадрирования. Все это строго и тщательно выверено, как грани у бриллианта, — в общем, редкое произведение искусства. Редкое еще и потому, что в каждой сцене свет глубоко и тонко соответствует эмоциональному настрою. Освещение и оформление в интерьерах решены удивительно точно и с бесконечным тактом. Они держатся на заднем плане как приглушенный, лаконичный оркестровый аккомпанемент. Только в натуральных съемках, на озаренных солнцем лугах у озера, свет торжествует, играет главную роль, и это опять-таки абсолютно отвечает идее фильма. Плотское, жуткое сияние лиц. Сверкающая личина природы, под которой, мы отлично знаем, скрывается омерзительное копошение, но ко-

тору ю тем не менее невозможно сорвать, — никогда еще, к слову сказать, дух Томаса Манна¹ не был передан с такой глубиной. Нам не приходится ждать ничего хорошего от солнца, но, быть может, человеческим существам все же хоть в какой-то мере удастся любить друг друга. Не помню, чтобы в кино мать настолько убедительно говорила дочери: “Я люблю тебя”; я не встречал такого ни в одном фильме.

Со страстью, с тоской, почти с болью “Мираж” стремится к тому, чтобы стать утонченным, *европейским* фильмом; как ни странно, он достигает этой цели, сочетая в себе подлинно германскую уязвимость с истинно французской гармоничностью и классической ясностью изложения. Да, это в самом деле редкий фильм.

1 В основу фильма положена новелла Томаса Манна “Обманутая”.
(Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, — прим. перев.)